

На днях в Неаполь придут 200 человек «ударников», поеду встречать их. Очень рад потолковать с этими молодцами.

Пьесу о «вредителе» бросил писать, не удастся, мало материала. Чрезвычайно хорошо, что Вы посылаете мне «новый»! Но — еще лучше было бы, конечно, если б нового в этой области не было.

Сегодня прочитал в «Эксельциоре» статью Пуанкаре. На мой взгляд — этой статьей он расписался в том, что ему хорошо известны были дела «промышленной» и «крестьянской» партий, что Кондратьевы и Ко — люди, не чуждые ему. Очевидно, и вопрос об интервенции двигается вперед понемножку. Однако я все еще не могу поверить в ее осуществимость, «обстановочка» для этого как будто неподходяща. Но Вам виднее, конечно.

Чувствую, что пришла пора везти старые косточки мои на родину. Здоровье за лето окрепло. Держу строгий режим. Приеду к Первому мая.

Крепко жму Вашу руку, дорогой товарищ.

А. ПЕШКОВ

И. В. СТАЛИН — М. ГОРЬКОМУ

<Между 8–14 декабря 1930 года. Москва>

Привет Алексею Максимовичу!

Пишу с некоторым запозданием, т. к. диппочта идет к вам, в Италию, лишь в определенные сроки, кажется, раз в 20 дней.

Шолохов и другие уже отправились к Вам. Им дали все, что требуется для поездки.

Показаний Осадчего не посылаю, т. к. он их повторил на суде и Вы можете познакомиться с ними по нашим газетам.

Видел т. Пешкову. Доктор Левин будет у Вас на днях. Останется месяца полтора или больше — как скажете.

Процесс группы Рамзина окончился. Решили заменить расстрел заключением на 10 и меньше лет. Мы хотели этим подчеркнуть три вещи: а) главные виновники не рамзиновцы, а их хозяева в Париже — французские интервенты с их охвостом «Торгпромом»; б) людей раскаявшихся и разоружившихся советская власть не прочь помиловать, ибо она руководствуется не чувством мести, а интересами советского государства; в) со-

ветская власть не боится ни врагов за рубежом, ни их агентуры в СССР.

Дела идут у нас неплохо. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства успехи несомненные. Пусть мяукают там, в Европе, на все голоса все и всякие ископаемые средневекового периода о «крахе» СССР. Этим они не изменят ни на йоту ни наших планов, ни нашего дела. СССР будет первоклассной страной самого крупного, технически оборудованного промышленного и сельскохозяйственного производства. Социализм непобедим. Не будет больше «убогой» России. Кончено! Будет могучая и обильная передовая Россия.

15-го созываем пленум ЦК. Думаем сменить т. Рыкова. Неприятное дело, но ничего не поделаешь: не поспевает за движением, отстает чертовски (несмотря на желание поспеть), путается в ногах. Думаем заменить его т. Молотовым. Смелый, умный, вполне современный руководитель. Его настоящая фамилия не Молотов, а Скрябин. Он из Вятки. ЦК полностью за него.

Ну, кажется, хватит.

Жму руку.

И. СТАЛИН

Р. С. Если действительно решили приехать к весне, хорошо бы поспеть к 1 мая, к параду.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — И. В. СТАЛИНУ

<8 декабря 1930 г.>

Иосиф Виссарионович!

Я ведь тоже грамотный. Да и станешь грамотным, «как дело до петли доходит». Я хочу внести в дело ясность, чтобы не было после нареканий: зачем не сказал?

Пришел час моей катастрофы. Не на «правизне», не на «левизне», а на «кривизне». Как велика дуга этой кривой, т. е. в каком отдалении находится вторая, конечная ее и моя точка, я еще не знаю. Но вот что я знаю и что должны знать Вы.

Было — без Вас — опубликовано взволновавшее меня обращение ЦК. Я немедленно его поддержал фельетоном «Слезай с печки». Фельетон имел изумительный резонанс: напостовцы